

МУРКШТИС Мариус Иокубович,
д.ю.н, доцент,
профессор кафедры УПУИиК
Юридического института РУДН
имени Патрисы Лумумбы,
e-mail: 7607428@mail.ru

ПРОБАЦИЯ В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу криминологических предпосылок и институциональных вызовов реализации probation в Российской Федерации после вступления в силу Федерального закона № 10-ФЗ от 6 февраля 2023 года. Автор прослеживает эволюцию взглядов на преступность — от религиозно-этической парадигмы до социально-криминологических теорий, обосновывающих необходимость реабилитационного подхода. Несмотря на прогрессивную нормативную основу, соответствующую международным стандартам, практическая реализация probation сталкивается с системными проблемами: доминированием пенитенциарной модели в ФСИН, дефицитом квалифицированных кадров, отсутствием межведомственной координации, слабым участием гражданского общества и недостаточным финансированием. В заключение предлагаются меры по преодолению этих барьеров, включая создание независимого федерального органа по probation и внедрение специализированной подготовки кадров.

Ключевые слова: probation, ресоциализация, уголовно-исполнительная политика, рецидивная преступность, гуманизация наказания.

MURKSTIS Marius Iokubovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of UPUIK of the Law Institute
of the RUDN University named after Patrice Lumumba

PROBATION IN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL PREREQUISITES AND INSTITUTIONAL CHALLENGES

Annotation. This article analyzes the criminological prerequisites and institutional challenges to the implementation of probation in the Russian Federation following the entry into force of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023. The author traces the evolution of views on crime—from a religious-ethical paradigm to socio-criminological theories substantiating the need for a rehabilitative approach. Despite a progressive regulatory framework consistent with international standards, the practical implementation of probation faces systemic problems: the dominance of the penitentiary model in the Federal Penitentiary Service, a shortage of qualified personnel, a lack of interagency coordination, weak civil society participation, and insufficient funding. In conclusion, measures are proposed to overcome these barriers, including the creation of an independent federal probation agency and the introduction of specialized training for personnel.

Key words: probation, resocialization, penal policy, recidivism, humanization of punishment.

Современное состояние уголовно-исполнительной политики Российской Федерации находится в стадии трансформации, направленной на гуманизацию наказания, снижение уровня рецидивной преступности и расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Централь-

ное место в этой трансформации занимает probation — институт, сочетающий функции надзора, социального сопровождения, психологической поддержки и профилактики повторных правонарушений.

Однако эффективность probationной системы напрямую зависит от глубины понимания

природы преступности, что обуславливает необходимость обращения к различным подходам к ее определению.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического осмысления различных барьеров на пути успешного применения probation, основываясь на богатом теоретическом наследии криминологии, которое демонстрирует: эффективная борьба с преступностью возможна не через изоляцию, а через понимание её причин и целенаправленное изменение поведенческих и социальных паттернов личности. Целью статьи является анализ теоретико-правовых и организационно-практических проблем probationной деятельности в Российской Федерации.

На протяжении всей истории человечества преступность неизменно рассматривалась как воплощение зла — разрушительное социальное явление, которое тормозит прогресс общества и наносит ему ощутимый вред.

Вопросы изучения причин преступности уходят в античность, когда преступность объяснялась через призму божественного предопределения, морального падения или нарушения естественного порядка. В Средние века доминировала религиозно-этическая парадигма: преступление рассматривалось как грех, а наказание — как акт божественного возмездия или очищения. Такой подход не допускал ни анализа причин преступности, ни возможности исправления личности, ограничиваясь карательной функцией.

Переломный момент наступил в эпоху Просвещения. В XVIII веке классическая школа уголовного права, заложила основы рационалистического понимания преступности. Согласно этой концепции, человек — свободный и разумный субъект, совершающий преступление как результат взвешенного выбора между выгодой и риском. Отсюда вытекал ключевой принцип: наказание должно быть справедливым, соразмерным деянию и служить средством сдерживания. Хотя классическая школа способствовала гуманизации уголовного закона и утверждению принципа законности, она игнорировала социальные, биологические и психологические детерминанты преступного поведения, что делало невозможным разработку мер, направленных на предупреждение преступности и ресоциализацию осуждённых.

Во второй половине XIX века произошёл качественный скачок в развитии криминологии — возникла позитивистская школа. Отказавшись от абстрактного «рационального преступника», позитивисты обратились к эмпирическому изучению личности правонарушителя. Ломброзо, опираясь на антропометрические исследования, выдвинул концепцию «врождённого преступника», утверж-

дая, что преступность обусловлена атактистическими, дегенеративными признаками, свидетельствующими о биологической регрессии. Несмотря на последующую критику и опровержение биологического детерминизма, Ломброзо впервые поставил проблему научного изучения преступника как объекта криминологического анализа.

Ферри развил идею о множественности причин преступности, выделив три группы факторов: антропологические (биологические и психологические особенности личности), физические (климат, география) и социальные (бедность, неравенство, миграция). Это стало первым шагом к формированию комплексного, мультифакторного подхода. Гарофало, в свою очередь, ввёл понятие «естественного преступления» — деяния, нарушающего базовые моральные инстинкты человеческой природы (сострадание и честность), что позволило отделить преступность от проступков, обусловленных исключительно юридическим запретом.

Однако позитивистская модель, несмотря на её научную новизну, оставалась преимущественно карательной: она легитимизировала изоляцию, принудительное лечение и даже стерилизацию «опасных» личностей. Реабилитационный потенциал в ней был ограничен, что противоречило гуманистическим основам probation.

Настоящий прорыв в понимании преступности произошёл в XX веке с усилением влияния социологии, психологии и педагогики. Возникли социально-криминологические теории, рассматривающие преступность как продукт социальной среды. Эти подходы позволили перейти от парадигмы «наказания за деяние» к парадигме «работы с личностью», что стало теоретической основой для развития альтернативных мер уголовно-правового воздействия, включая probation [3].

В России probation как самостоятельный элемент уголовно-исполнительной системы начала формироваться только в 1990-х годах, а полноценное правовое регулирование было закреплено лишь недавно. Тем не менее, несмотря на нормативное оформление, её практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем: недостаточным финансированием, дефицитом квалифицированных специалистов, слабой межведомственной координацией, формальным применением методик оценки, а также сохраняющимся доминированием «пенитенциарной модели» мышления в органах исполнения наказаний.

Принятие Федерального закона «О probation в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ [1] стало важнейшим событием в истории отечественного права. Впервые за пост-

советский период в российской правовой системе был закреплён полноценный институт, направленный не на изоляцию и наказание, а на социальное восстановление, ресоциализацию и профилактику рецидива. Закон, вступивший в силу с 1 января 2024 года, формально соответствует ключевым международным стандартам — Руководящим принципам Совета Европы по пробации и Токийским правилам ООН, провозглашая цели, которые выходят далеко за рамки традиционного надзора: предупреждение новых преступлений, восстановление нарушенных прав потерпевших, формирование уважения к закону и содействие в трудовой, бытовой и психологической адаптации лиц, совершивших преступления. Однако спустя более чем два года после принятия и свыше года фактического действия закона пробация в России остаётся в состоянии глубокого противоречия между прогрессивной нормативной моделью и фрагментарной, зачастую формальной практикой её реализации.

Сама структура закона свидетельствует о стремлении создать комплексную, многоуровневую систему. Он вводит три вида пробации — исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную, охватывая тем самым весь цикл взаимодействия личности с уголовно-исполнительной системой: от назначения наказания, не связанного с лишением свободы, до полной социальной реинтеграции после освобождения из мест лишения свободы. Особое значение придаётся индивидуальной программе, разрабатываемой с учётом личностных особенностей, социального окружения, уровня образования, наличия зависимостей и других факторов риска. Такой подход, безусловно, является шагом вперёд по сравнению с прежней моделью, когда деятельность уполномоченных органов сводилась к пассивному контролю за соблюдением формальных ограничений. Тем не менее именно в переходе от нормы к практике возникают наиболее острые проблемы, обусловленные как институциональной инерцией, так и недостатком политической и бюджетной воли.

Центральным звеном реализации пробации по закону должны стать центры пробации — специализированные организации, наделённые полномочиями по координации межведомственного взаимодействия, разработке индивидуальных программ и оказанию психологической и социальной помощи. Однако на начало 2026 года такие центры функционируют лишь в отдельных регионах, преимущественно там, где ранее действовали пилотные проекты. По сообщению руководства ФСИН, в настоящее время центры пробации действуют лишь в 37 регионах страны, что не удовлетворяет реальных потребностей системы [2].

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации практически все функции пробации формально возложены на уголовно-исполнительные инспекции (далее — УИИ), входящие в систему Федеральной службы исполнения наказаний. Эта организационная привязка создаёт фундаментальный конфликт: УИИ исторически ориентированы на карательно-надзорную функцию, их сотрудники не обладают компетенциями социального работника, психолога или педагога. Превращение инспектора УИИ в пробационного работника требует не переименования должности, а глубокой трансформации профессиональной культуры, системы подготовки кадров и самой философии взаимодействия с осуждёнными. Без этого пробация рискует превратиться в усиленный вариант старой модели контроля, лишенный восстановительного и гуманистического содержания.

Эта проблема усугубляется отсутствием чётких механизмов межведомственного взаимодействия. Закон прямо указывает на необходимость участия органов службы занятости, организаций социального обслуживания, учреждений здравоохранения и органов исполнительной власти субъектов Федерации. Однако ни один из этих субъектов не наделён конкретными обязанностями по обеспечению пробационных программ. Опрошенные в ходе исследования сотрудники УИИ, указывают, что в настоящее время отсутствуют регламенты обмена информацией, совместные планы действий, финансовые обязательства. На практике это означает, что пробационный работник, столкнувшись с осуждённым, нуждающимся в лечении от алкогольной зависимости или психического расстройства, не может гарантированно направить его в соответствующее медицинское учреждение, поскольку последнее не обязано принимать таких пациентов вне общей очереди. Аналогично служба занятости не обязана выделять квоты на рабочие места для лиц, находящихся под пробацией, а органы социальной защиты могут отказать в предоставлении жилья, ссылаясь на отсутствие нормативных оснований. Таким образом, даже самая продуманная индивидуальная программа оказывается нереализуемой в условиях институционального вакуума и отсутствия ответственности отдельных субъектов пробации.

Особую тревогу вызывает кадровый дефицит. В России до сих пор не существует системы подготовки пробационных работников. Ни одна образовательная организация не предлагает образовательную программу, соответствующую требованиям, предъявляемым законом. Обучение сотрудников УИИ сводится к краткосрочным кур-

сам повышения квалификации, которые не способны сформировать новые профессиональные установки и навыки. Отсутствует и методологическая база: нет стандартизированных инструментов оценки рисков рецидива, шаблонов индивидуальных программ, протоколов взаимодействия с гражданским обществом. В результате каждая инспекция действует стихийно, что ведёт к неравенству в доступе к услугам пробации в зависимости от региона и подрывает саму идею единой государственной системы. На отсутствие необходимой подготовки указывают не только сотрудники УИИ, но и представители образовательных учреждений ФСИН [5].

Не менее серьёзной проблемой является слабое вовлечение институтов гражданского общества. Статья 35 закона прямо предусматривает взаимодействие с некоммерческими организациями, религиозными объединениями и волонтерами — теми самыми субъектами, которые в странах с развитой пробационной системой обеспечивают до 60% социальных услуг. Однако в российских условиях НКО, работающие с осуждёнными, сталкиваются с множеством барьеров: сложной процедурой получения грантов, риском попадания под режим «иностранных агентов», отсутствием доверия со стороны ФСИН. В итоге огромный потенциал гражданского общества остаётся невостребованным, а пробация продолжает восприниматься исключительно как государственная, бюрократическая процедура.

Ситуация усугубляется отсутствием прозрачности и независимого мониторинга. Хотя закон предусматривает создание Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, в настоящее время такой реестр фактически не функционирует. Это лишает систему возможности отслеживать эффективность программ, анализировать причины успехов или неудач, проводить научные исследования. Отсутствует и механизм общественного контроля: несмотря на формальное закрепление такой возможности в законе, региональные общественные советы не имеют доступа к данным о ходе реализации пробационных мероприятий, что делает невозможной оценку качества работы на местах.

На фоне этих проблем особенно отчётливо виден разрыв между российской моделью и международной практикой. В Германии, Нидерландах, Швеции пробационные службы представляют собой независимые агентства, отделённые от пенитенциарной системы, что позволяет избежать конфликта интересов между наказанием и реабилитацией. Они располагают штатом квалифицированных социальных работников, используют стандартизированные методики оценки рисков,

активно привлекают различные общественные организации и обеспечивают высокий уровень индивидуализации сопровождения. В результате уровень рецидива в этих странах остаётся одним из самых низких в мире. Российская же модель, по большей части встроённая в ФСИН и лишённая необходимых ресурсов, пока не способна продемонстрировать сопоставимую эффективность.

Тем не менее отказываться от пробации было бы стратегической ошибкой. Институт пробации обладает огромным потенциалом не только в гуманизации уголовной политики, но и в снижении нагрузки на пенитенциарную систему, экономии бюджетных средств и восстановлении социальной справедливости. Для реализации этого потенциала необходимы решительные меры. Прежде всего требуется принятие подзаконных актов, определяющих порядок создания центров пробации, механизмы межведомственного взаимодействия и источники финансирования. Необходимо выделить целевые средства на федеральном уровне для развёртывания сети центров во всех регионах. Важнейшей задачей становится создание системы подготовки кадров — введение специальности «пробационный работник» в систему высшего образования и организация непрерывного профессионального развития. Целесообразно рассмотреть вопрос о передаче функций пробации из ведения ФСИН в ведение нового независимого федерального органа исполнительной власти. Только при условии системного подхода пробация сможет перестать быть формальной реформой и стать реальным инструментом социального восстановления осуждённых.

Таким образом, Федеральный закон № 10-ФЗ — это не завершение, а начало долгого и сложного пути. Его принятие продемонстрировало готовность государства к модернизации уголовной политики, но теперь требуется не декларация, а действие. Без политической воли, административной решимости и финансовых вложений даже самый прогрессивный закон рискует остаться в учебниках как пример благих намерений, не подкреплённых реальными изменениями. Пробация в России сегодня стоит на перепутье: либо она станет живым институтом, способным изменить судьбы тысяч людей и повысить безопасность общества, либо превратится в ещё один бюрократический ритуал, имитирующий реформу.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026).
- [2] Генерал-майор ФСИН раскрыла число созданных в России центров пробации // [Элек-

тронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/general-mayor-fsin-raskryla-chislo-sozdannyh-v-rossii-tsentrov-probatsii/> (дата обращения 25.01.2026).

[3] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - 3 изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2007. - 734 с.

[4] Популярная криминология. Очерки общей части: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. - 151 с.

[5] Смирнова, И. Н. К вопросу об обосновании актуальности организации подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в свете принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 Г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» / И. Н. Смирнова, И. С. Бычинская // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 января 2025 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2025. – С. 190-194.

References:

[1] Federal Law "On Probation in the Russian Federation" dated 06.02.2023 No. 10-FZ//Access

from SPS "ConsultantPlus" (accessed on: 25.01.2026).

[2] Major General FSIN revealed the number of probation centers created in Russia//[Electronic resource] URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/general-mayor-fsin-raskryla-chislo-sozdannyh-v-rossii-tsentrov-probatsii/> (date of appeal 25.01.2026).

[3] Criminology: Textbook/Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminova. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Lawyer, 2007. - 734 s.

[4] Popular criminology. Essays on the general part: students. allowance for university students studying in the specialty "Jurisprudence "/G.A. Avanesov. - M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2015. - 151 s.

[5] Smirnova, I. N. To the question of justifying the relevance of organizing training for the penal system in the light of the adoption of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" /I. N. Smirnova, I. S. Bychinskaya// Innovative potential for the development of science in the modern world: achievements and innovations: Collection of scientific articles based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 28, 2025. - Ufa: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center "Bulletin of Science," 2025. - S. 190-194.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.